

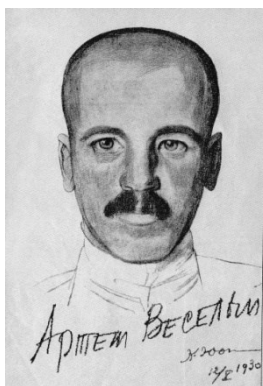
Валентина Борисовна Мусий

Одеський національний університет, Україна

ORCID: 0000-0002-9641-7753

DOI: 10.15584/978-83-8277-182-4_8

Семантика тела в романе Артема Веселого «Гуляй Волга»

Портрет писателя,
выполненный
К. Юоном (1930)

Автором романа «Гуляй Волга» является Николай Иванович Кочкуров (1899–1938). Артем Веселый – это один из псевдонимов, которыми он (в качестве редактора большевистских газет) подписывал свои статьи, а также художественные произведения (самым известным является написанный в 1927–1928 годах роман «Россия кровью умытая»). Другие псевдонимы писателя – «Сидор Веселый», «Артем Невеселый», «Пожилинский мужик». Н.И. Кочкуров был рабочим, участвовал в Гражданской войне; в политическом плане сначала он был членом партии анархистов, затем – большевиков; входил в объединения литераторов «Перевал» и РАПП. В 1937 году был обвинен в подготовке антигосударственного заговора, арестован и расстрелян. Роман «Гуляй Волга» был задуман Артемом Веселым осенью 1926 года. Во время его создания он работал в хранилищах документов, совершил поездки на Урал и Сибирь, собирал фольклор, изучал произведения своих предшественников-литераторов. В 1932

году роман был завершен, хотя сам автор признавался, что работу можно было бы продолжить, настолько много материала еще оставалось неизученным.

Весельный А. [автограф]
Гуляй Волга / рис.
Д. Дарана, 6-е изд.

«Гуляй Волга» – роман о походе казаков под предводительством атамана Ермака Тимофеевича, результатом которого стало начало колонизации тюркских земель Сибири. До сих пор эти исторические события, как и личность самого Ермака, оцениваются исследователями по-разному. Д.А. Ананьев, сосредоточив внимание на трудах западных историографов, называет работу У. Кокса «Известия о русских открытиях между Азией и Америкой, дополненных покорением Сибири...», монографию Ф. Голдера «Русская экспансия к Тихому океану», в которой русская во-

сточная экспансия представлена как «история поглощения Российской империей новых территорий, покорения коренного населения и хищнической эксплуатации природных ресурсов» (Ананьев 2006: 44); исследование Р. Кернера, в котором освоение Сибири оценивается как хроника «ужасающей эксплуатации природных ресурсов и коренного населения» (Ананьев 2006: 45); работу К. Грёппера, сосредоточившего внимание на распространении в Сибири и на Дальнем Востоке такого явления, как рабство. Причины подобной катастрофы, «случившейся при столкновении пришлого и коренного населения», этот исследователь видит «в колониальной политике царского правительства, забывшегося, прежде всего, о получении доходов с сибирской колонии» (Ананьев 2006: 47). Д.А. Ананьев заключает:

В целом в современной западной историографии следует признать преобладающим вывод о негативном воздействии русской колонизации на жизнь коренных народностей Сибири, но если раньше исследователи объясняли все разнонаправленностью действий центральных и местных властей, то в новейших исследованиях Дж. Форсиса, Ю. Слезкина, У. Линкольна ответственным за выработку политики в отношении «инородцев» предстает прежде всего правительство (Ананьев 2006: 48).

Российские ученые преимущественно сосредоточены на позитивных итогах процесса поглощения Сибири. Так, к примеру, А.П. Казаркин определяет суть колонизации как «влияние стадиально превосходящей культуры на коренные народы» (Казаркин 2008: 32). Как о «беспримерной экспедиции» пишет о походе Ермака Я.Г. Солодкин (Солодкин 2010: 3). Едины исследователи в одном – признании недостаточности фактов, документов для создания полной, всесторонней оценки этих событий истории.

Трудности, с которыми сталкиваются современные ученые-историки, еще ярче высвечивают колоссальность и сложность того труда, который взял на себя Артем Веселый, приступив к созданию романа. Тем значительнее представляется отсутствие односторонности в воссоздании им событий похода Ермака Тимофеевича. Так, по наблюдению С.П. Рожновой, из романа Артема Веселого следует, что

походом русских началась в Сибири долгая и разорительная для местных племен война. Но им же утверждается и цивилизация в диком крае. «Добро» и «жесточь» неотделимы в истории. Они налагают свой отпечаток на действия Ермака, который несет в себе народное начало и служит государственной воле, спаян единством целей со своим отрядом и становится узурпатором его свободы, выступает в поход с патриотическими, антифеодальными идеалами: «Татарских ханов громить и свое, казачье царство ставить» – и отдает Сибирь царским воеводам (Рожнова 1984: 103).

Однако следует признать, что работ литературоведов, посвященных как всему творчеству Артема Веселого, так и непосредственно его роману «Гуляй Волга» пока мало. Преимущественно сочинения этого автора интересуют исследователей с точки зрения особенностей их стиля, как, к примеру, В.Н. Терехину, которая пишет о стремлении А. Веселого объединить народную речь и словотворчество футуристов (Терехина 2017: 106).

Мы сосредоточим внимание на семантике образов тела в романе Артема Веселого, их месте в художественной системе произведения и роли в выражении авторской концепции исторических событий. Отметим, что телесность – одна из наиболее актуальных для современной гуманитаристики проблем. Однако в нашей статье, учитывая, что телесность включает в себя не только внешние (форма тела, его украшения, одежда, экспрессивные движения, способы действий и так далее), но и внутренние составляющие (телесный канон, отношение человека к собственному телу), о телесности не может идти речь, поскольку в романе воссоздан тип личности, которой не знакомы рефлексия и самопрезентация. Мы ограничимся лишь выявлением признаков так называемого «природного тела», под которым понимается «биологическое тело индивида, подчиняющееся законам существования, функционирования, развития живого организма» (Мухамитянов 2008: 108). Особая значимость изображения такого «природного тела» в романе Артема Веселого обусловлена рядом факторов. Главным среди них было следование писателя эстетической программе группы «Перевал», в которую он входил. Среди художественных принципов «переваловцев» следует назвать стремление к конкретности, которое проявилось в прозе Артема Веселого, что отметили уже критики его современники, в обилии «материалистических, зоологиче-

ских, натуралистических сравнений» (Никитина 1931: 201). Усвоением Артемом Веселым эстетической программы «Перевала» вызвано соединение в его прозе элементов критического реализма (социально-историческое толкование человека) и натурализма (мотивировка поведения героя биологическими факторами), выдвижение на первый план массы, а не отдельной личности, а также сильная лирическо-романтическая стихия. Вот, что пишет об этом объединении писателей В.Г. Воздвиженский, ссылаясь на высказывание А. Лежнева:

Они отдавали дань революционно-романтическому мифу о будущем, но при этом видели и подчеркивали, что в новую действительность вступают не совершенные, идеальные герои (каких выискивала и в жизни, и в литературе рапповская и подобная ей идеологизированная критика), а реальные люди со всеми их противоречиями, с «ветхим Адамом традиционных привычек, настроений, вкусов» (Воздвиженский 2001: 35).

Портрет Ермака Тимофеевича (1– треть XVII в.), автор неизвестен. Портрет хранится в Ставропольском краевом музее изобразительных искусств

Нас будут интересовать описания всего того, что имеет отношение к телесному облику персонажей романа Артема Веселого: форма и внешние признаки тела, тело какместилище энергии или же, напротив, то, что лишено жиз-

ненных сил, тело как объект внешних воздействий – всего того, что направлено на его деформацию.

Начнем с того, что описания тела присутствуют в создании портета персонажа. Так, деталями внешнего облика Ярмака в романе являются его черные волосы (в том числе его борода: *чернобородый казак, похожий обликом на турка*) и зубы. Обе эти детали подчеркивают здоровье, силу героя романа. Показательно, что кудрявые волосы и в описании других казаков являются знаком телесной силы и жажды удовлетворения потребностей тела:

Есаул Осташка Лаврентьев – брови черны, огневые глаза – и с ним несколько казаков, что были потрезвее, *прикудрявились* и пошли в слободку к девкам (Веселый 1981: 77).

В описании телесного облика богатыря бурлака Мамыки, который присоединился к казакам, натерпевшись насилия, также присутствует указание на его кудри:

Своим богатырским ростом он возвышался над всеми, *кудри лежали на его непокрытой голове в три ряда*, бобровая борода была полна репьев и соломы (Веселый 1981: 43).

Тугие кудри волос Ярмака и обнаженные в улыбке зубы (сверкающие зубы) являются внешними знаками бурлящей внутри Ярмака, как и сопровождающих его казаков, энергии. Знаком физической мощи, какой-то животной (не случайно его сравнение с жеребцом) силы героя является и его смех (*каленный*):

Был Ярмак не молод и не стар – самый в соку – *мастью черен*, будто в смоле вываренный, и здоров, *здоров как жеребец*. *Ржал* Ярмак, задрал голову, – конь под ним садился. Из хвоста ватаги на голос атамана нежным ржанием отзывалась кобыла Победка. В сдержанной усмешке *сверкали зубы* казаков (Веселый 1981: 25)

Ярмак крутнул головой и *залился каленым смехом*, ровно гору камней раскатил. Нрава он был веселого и бешеного, сила распирала его, *тугие кудри* на его голове вились из кольца в кольцо... (Веселый 1981: 29).

Рука Ярмака *крепкая, глаз карий, дремучий*.

Ну, якар мар... – повел Ярмак карим дремучим глазом и положил крепкую руку на руль. – С походом, братья!... (Веселый 1981: 31).

Проявлением внутренней силы и готовности к походной активной жизни Мартьяна, которого Ярмак зовет с собой, также являются детали его телесного облика. Рубец от раны – знак его боевой жизни в прошлом, по-прежнему зоркие глаза – знак того, что этот с виду пожилой человек внутренне бодр и крепок.

Мартьян крепко потер на лбу рубец сабельной раны, и в его еще не утративших зоркости глазах как тени промелькнули какие-то воспоминания... (Веселый 1981: 28).

Однако следует признать, что подобные характеристики телесного облика Ярмака и других казаков присутствуют преимущественно в первой части романа, представляющей образ казацкой вольницы, силы и удали жаждущих независимости и буйствующих энергией людей. Во второй части, в описании похода в Сибирь они отсутствуют. Так же, как и знаки единства атамана с казаками. Из первой части следует, что Ярмака знают и любят казаки, даже ни разу с ним не встречавшиеся. Как, к примеру, в эпизоде прихода его в стан атамана Ивана Кольцо. Не случайны повторы сообщения о том, что Ярмак *обнимается* с теми, с кем встречается. Это движение тела, как известно, является знаком согласия, близости людей, объятия объединяют:

(встреча с Мартьяном)

Они обнялись и поздоровались по нагайскому обычаю, троекратно – как кони – кладя друг другу голову с плеча на плечо (Веселый 1981: 27)

(встреча с Иваном Кольцо)

– А-а-а – взвыл он, увидав Ярмака, и вскочил. – Ты?!

– Не ждал? Они обнялись (Веселый 1981: 25).

Во второй части Ярмак, хотя и находится вместе с казаками, выступает в иной роли – головного атамана, который выше остальных. Отсюда – отсутствие знаков братства. Напротив, нередко ему приходится довольно жестко подавлять общее сопротивление.

Есть в романе ряд эпизодов, в которых покоряемые казаками народы высказывают свою оценку их телесного облика. В этих описаниях также на первом плане сила, непобедимость казаков. Однако это уже не безграничная удаль, а военная сила, которая воспринимается как опасность, а потому гиперболизуется. Такова, к примеру, оценка казаков лазутчиком Чумшаем, который долгое время жил рядом с ними, изучал их обычаи, слушал, о чем они говорят. На вопрос, много ли едят русские (мурза Бейтерек вспоминает слова своего деда о том, что хорошая лошадь, храбрый зверь и храбрый народ умеренны в еде, поэтому нечего бояться того, кто больше всего думает о брюхе), тот отвечает, что казаки едят много, но неприхотливы и в походе могут довольствоваться «и малым»:

Горькое вино, что они пьют целыми ковшами, кажется им негорьким, и они настаивают его на волчиной желчи. Сильны и – ух! – зверострашны. Все с бородами. У одного атамана борода столь велика, что конец ее, чтоб не путал ветер, он затыкает за кушак. Голоса такие, – когда ругаться или смеяться начнут, листья с дерев осыпаются, и зверь от страху забивается в нору (Веселый 1981: 106).

И, напротив, в телесном облике представителей местного населения Сибири чаще всего присутствуют приметы слабости, что, думается, усиливает понимание их обреченности. К примеру:

Старуха Самурга, лицо которой было подобно кому засохшей грязи... (Веселый 1981: 98).

Бабасан-мурза, лицо которого было похоже на стоптанное конское копыто, охая поведал о пришествии казаков под Тюмень (Веселый 1981: 98).

Функция образов тела в романе Артема Веселого не ограничивается тем, что они нужны в презентации персонажей и содержат определенную доминанту их характеров или внешности. Еще более значима их роль в воссоздании обстоятельств, с которыми сталкиваются люди. Это могут быть особенности местности, в которой они оказываются. Как, к примеру, в следующем описании пути казаков в земли Строгановых:

Жалил комар, душила мошка, била пестрая муха, жало которой было острее шила. Ошалелые от изнурения люди задыхались от едкого кура, разложенного на стругах и вокруг стана, метались, лезли в огонь и нигде не находили себе спасения (Веселый 1981: 69).

Это может быть характеристика изнурительности работы, которую они выполняют. Как, к примеру, описание бурлачества:

Приходили до места, – *мясо на плечах ободрано до костей* [...]. ...шли бурлаки, погрязая в болотах, утопая в песках, *дрожжа* от холода и *задыхаясь* от жары. По всем рекам русским, подобна *надсадному храпу*, кружила песня да *трещали хребты* бурлацкие (Веселый 1981: 38).

Или же – работ на заводах Строгановых:

В темном забое *слеп глаз*, могильный холод *знобил кость*, но упорно гремели удары... (Веселый 1981: 78).

В мольбе тянулись *изъязвленные соляным растовором руки; лица, запеченные в огненной работе*, были жалостливы. Закованный по рукам и ногам Ивашка Редькин, – *вытекший глаз* его был заткнут окровавленной тряпицей, – звеня цепью, подскочил к атаману.

– Бей меня первого! Все одно пропадать! Постою за мир, пострадаю за правду Христову» (Веселый 1981: 80).

В романе присутствует большое число сцен истязания тела. Как, к примеру, в начале произведения, когда описывается торговый город на Волге, где Мамыка и другие бурлаки стали свидетелями порки мужика. Их вмешательство переросло в жестокость сначала со стороны палача по отношению к вмешавшемуся богатырю, а потом уже – богатыря по отношению к мучителю. Сам этот эпизод является одной из мотивировок того, почему к воинству Ермачка присоединялись не только казаки, которых теснили воеводы царя, но и другие обездоленные.

На помосте палач сек мужика... Кнут, *расчесав мясо*, с пристуком *хлестал по костлявой спине, запавшие бока ходили*, как у загнанной лошади. Стоны мужика помалу затихли...

– Стой, – рявкнул угрожающий голос подвыпившего гусака бурлацкого Мамыки.. – Стой, душегубец!

Народ качнулся, зашумел:

– Насмерть забьет.

– Всю *икуру слупил*...

Мамыка промычал что-то невнятно и, оттолкнув стрелецкую голову, полез на помост.

Палач шагнул ему навстречу, кнутом играя.

– Куда прешь, неумытое рыло?

– Не костери, ты меня не кормил...

Кнут хлестнул

Еще хлестнул

И еще...

Мамыка стоял неподвижно. Посеченная в ленты посконная рубаха сползла с его крутых плеч, хмельная улыбка блуждала на растерянном лице. Но вот он сердито засопел, маленькие соминые глазки его блеснули, и, вдруг повернувшись к палачу, глухо выговорил:

– Будя!

– Не пьешь! – распалившийся палач в ярости *хлестал бурлака и по рылу, и по глазам, и по чему попало...*

Мамыка шагнул, поймал своего мучителя за руку и, *выломив ему руку* в локте, крикнул:

– Бей приказных!

Покатились голоса:

– Бей!

– Бей, чтоб не жили!

– На саблю та на пистолю – дубинки Христовы!

Мамыка, *ухватив палача за ноги, бил его с размаху головой об столб* (Веселый 1981: 43–44).

Наиболее часто подобные описания насилия по отношению к телу встречаются в той части романа, где описываются работы на Строгановых. Причем, жестокость расправы характеризует обе стороны – и тех, кто управляет рабочими, и самих рабочих, если им удастся хотя бы на время взять верх над своими мучителями. Так, к примеру, происходит, когда рабочие узнали о том, чем их кормят, и подняли бунт.

Разгневанный Свирид затравил собаками присланных к нему с рудника выборных людей и одному из них, Ивашке Редькину, *плетью выхлестнул глаз*. Тогда Ивашка, помолвившись пресвятой богородице и подговорив себе товарищей, ночным делом приступил к прикащичьей избушке, железною высадил дверь и немилостивым боем заставил прикащика сожрать дохлую мышь, а потом – слово за слово, словом по слову, распаясь и припомнив многие прежние обиды, *уходили* они прикащика Свирида *до смерти* (Веселый 1981: 79–80).

Примечательно, что теперь уже на стороне угнетателей выступают и казаки во главе с Ярмаком, состоящие на службе у Строгановых. Рабочие не сразу понимают это и вначале еще рассчитывают на их поддержку. Но казаки проявляют безжалостность. Ярмак на жалобы рабочих отвечает, что ему нет до них никакого дела.

Скупые охи, зубовный скрежет, мельканье плетей и розог над распростертыми телами, а *тела были худющие, шкуры вытертые, шелудивые, в мокрых соляных язвах* (Веселый 1981: 83).

Правду сказать, не все казаки выдерживают насилие, на которое их вынудил Строганов. «Будя кровавить руки», – решает Васька Струна и, набрав шайку, сбегает на Волгу.

Наиболее частотными в романе Артема Веселого являются те описания насилия над телом, его деформации, что связаны с батальными сценами или захватом пленников. Причем, бесчеловечно жестоким является поведение как покорителей, так и местных народов. В этом плане интересна этимология фамилии Строгановых, которая приведена в произведении. Когда их предок, мурза царя Ивана III, попал в плен к татарам, те «ножами *сострогали* с пленника мясо до костей...» (Веселый 1981: 54). Вот как выглядел Заруба, один из казаков, которых Ермак отправил впереди своего отряда на разведку, но те попали в плен, и лишь ему удалось бежать:

Заруба опустился около огня и вытянул босые, в кровь ободранные ноги. Лохмортья еле прикрывали его наготу. На месте начисто срезанных ушей чернели дыры (Веселый 1981: 102).

С натуралистической подробностью Артем Веселый рисует картины сражений. Как, к примеру, того, что связано с захватом казаками города, принадлежавшего Кучуму:

Молодой молодого пикой вышиб из седла. Чья-то голова покати-лась под яр. Бегущий и вопящий запутался ногами в своих кишках и упал. Из чьего-то горла кровь брызнула выше лошадиных голов. Вогул ударил Афоньку Лыча копьем в бок и выдернул копье с почкою на конце. Афонька со стоном повалился и обнял землю. Дед Саркел рубанул васюганского шайтанщика шашкой по голове и после рассказывал, будто из того пламя пыхнуло и смрад изошел. Сотник Черкиз, зажимая левой рукою выжженные глаза и шатаясь, шел прочь от места битвы; в правой руке он все еще сжимал рукоять расколотой шашки; иссеченная в куски кольчуга, держась лишь на одной ременной перевязи, спадала и волочилась за ним по земле; изрубленные плечи и грудь его были обнажены. Мурза Кутук Енарасланов сверзился с коня, пробитая свинцовым жеребьем голова его запрокинулась, выпучив глаза – и дух вон... (Веселый 1981: 141).

В адрес тела посылаются проклятия. Как, к примеру, в описании захвата одного из племен, которое зарылось в землю в надежде спастись от захватчиков и выслало к ним старика, попытавшегося убедить казаков в том, что у них нечего брать. Когда же тот понял, что врагов не обмануть, он начал ругаться и призывать своими словами страдания мучителям, веруя в то, что слово (идеальное) может совершать действие (реальное):

Захлебнуться бы вам своими грехами, горячие угли вам в глаза, сосновые иглы в печень, в кости ломота!... Тьфу, тьфу, тьфу!.. Камни и пеньки вам в брюхо, муравьи с семи полей в глаза, рак в бороду! Тоскою, как дымом, да застит и разъест глаза ваши! (Веселый 1981: 78).

В тот момент, когда казаки, решив повесить старика, подвели его к сосне, тот

подал условный свист, и лесные жители, взрыдав, вышибли жердяные подпоры и погребли себя под землю со всеми животами и со всем именем своим (Веселый 1981: 78).

Телесные образы используются и для характеристики намерений врага. Так, к примеру, сибирские народы оценивают перспективы прихода русских на их земли: *русское горло проглотит* (Веселый 1981: 108).

Наконец, тело становится материалом для устрашения врагов. Так поступают казаки с телами убитых ими вогулов:

ободрали да каждому ноги у щиколоток вязали лыком и, навдевав мертвых по десятку и более на бревно, пускали плыть по воде, на страх внизу живущим. Поделали травяные чучела, обрядили их в вогульские лохмотья, рассажали по запасным лодкам и под ночь пустили вниз по воде. В предрассветной мгле люди Баба-санова урочища, цепenea от страха, увидели караван бревен с торчащими босыми ногами и много лодок с людьми, что молча проплывали вниз, сбивая тех воинов с толку (Веселый 1981: 101).

В результате создается картина противоборства двух сторон, за каждой из которых – своя правда. Для одних это – защита исконных территорий от захватчиков для сохранения возможности дальнейшего существования на землях предков в соответствии со сложившимися традициями; для других – освоение новых территорий и покорение их обитателей. И то, что каждую из схватившихся сторон можно понять, является свидетельством трагизма сложившихся обстоятельств. И казаки, и местные народности проявляют неистовство в достижении своих целей. Правда, в романе Артема Веселого казаки, отправляясь в путь, не имеют четкого представления о перспективах того, что их ожидает. Это стихийная сила, которая не мирится с любыми ограничениями своей свободы и направлена на удовлетворение самых простых потребностей, главным образом телесных. Вспомним хотя бы пьяные признания «лихого на язык» Ивана Кольца на пиру у Строгановых:

Я на своем веку сорок церквей ограбил. Попы поволские и рязанские поныне клянут меня и предают анафеме. Ха-ха-ха!.. Я, борода, в походы ходил, я орду громил, купцов обдирал и в Волге топил... (Веселый 1981: 73).

И если царь Иван Грозный, «отняв у татар Волгу, и на Сибирь уже глядел как на свою вотчину», через которую «мнил он завязать торговлю с неведомым Китаем и далекой Индией» (Веселый 1981: 84–85), казаки отправляются в сибирские земли, не имея никакого четкого плана. Из романа Артема Веселого следует, что у этого похода было несколько причин. Первая – желание направить на что-то свою «удаль молодецкую». Сообщается, что казаки засиделись и заскучали на службе у Строганова («Жить весело, а бить некого»). Вот, как сам Ярмак объясняет Мартьяну необходимость похода:

Скучно на Дону, а на Волге тесно. По горам сторожи поставлены. У Караульного яра, на Пролей-Кашах и выше воеводы, слышно, остроги городят. Сила поразгуляться просится... Уговор держим кверху плыть – за сурскими осетрами, за камскими бобрами (Веселый 1981: 29).

Вторая причина – необходимость поддерживать порядок среди казаков, объединив их каким-то занятием. На это подталкивали Ярмака старые воины, жалуясь на то, что все уже «осатанели от скуки», обленились, друг на друга бросаются с ножами, пьют и дерутся. Свою роль сыграли и обещания Строганова, искушавшего их тем, что места в Сибири дикие, «зверья всякого изобильно», а сопротивление они почти не встретят – жители не храбрые и почти не обученные воинскому сопротивлению. И не богатства сибирской земли здесь главное, а желание завоевать себе сытую и беспечную жизнь:

Гайда, братья атаманы, наудалую! Раз туда слетаем и – завей горе веревочкой! – восклицают казаки.

Не дойдем горами – доплывем речками, а будем мы татарву огнем жечь, острыми саблями сечь, да пушками пушить! С головною до края света пройдем, возьмем Сибирь без свинцу и пороху...» (Весельный 1981: 90).

Значительную роль сыграл также страх потерять свободу – казаки узнали о царском указе подчинить их воеводам. Все эти факторы и обусловили движение войска Ярмака на Сибирь. И чем оно было на самом деле, с точки зрения автора романа, можно понять по повторяющейся в описании этого похода фразе, своего рода рефрене, организовывающем ритм повествования:

Тюмень *пограбили и сожгли* да по жадности натаскали тут столько добычи, что под тяжестью ее стали тонуть струги. Оставили себе самое ценное, остальное – чего в землю зарыли, чего топорами потяпали.

Осадили и прогнали князца Альшшая.

Вогульские жилища князца Кошуги *разграбили и сожгли*.

Чандырский городок *разграбили и сожгли*, забрали тут много меда, сняли с поля незрелый хлеб – тем и кормились, а свои заплесневелые сухари стравили собакам и рыбе.

Сбили с урочища князца Каскара и множество тут басурман погубили: лежало при урочище озерко тридцать на сорок саженой, в него были пометаны битые, а через несколько дней мертвяки всплыли столь густо, что под ними и воды не было видно. Оставили в живых только одного и отпустили – да расскажет о казачьей силе и жесточи.

По Туре и Тоболу волости Калымскую, Ворляковскую и многие улусы приречные *пограбили и сожгли* (Весельный 1981: 101).

Писатель отказывается давать какие-либо оценки воссоздаваемым им событиям. В заключающих роман заметках он высказывает предположение, что первоначальный замысел казаков был «бесхитростен» – совершить набег и с богатой добычей вернуться на Русь. Но в том-то и беда

их, что, борясь за свою волю, они сами не были свободными и, в конечном итоге, обстоятельства, а не они сами определяли их судьбу. Он пишет:

Хотели того казаки или нет, но оружием своим они расчищали дорогу царю и купцам в богатую мехами Сибирь (Веселый 1981: 182).

Что же касается коренных обитателей Сибири, «задавленных своими злоедами», то их существование «с приходом русских завоевателей стало еще горше» (Веселый 1981: 182). Завершает Артем Веселый свой роман «Словцом конечным», в котором поясняет смысл названия произведения и выражает мысль о сложности, неоднозначности всего того, что связано с походом Ермака. «Гуляй-Волга, – пишет он, – русской воли и жесточи, мужества и страданий полноводная река, льющаяся на восток» (Веселый 1981: 194). На наш взгляд, анализ семантики тела помогает понять, какими художественными средствами Артем Веселый достиг выражения неоднозначности своего понимания сути похода казаков под предводительством Ермака в Сибирь.

Библиография

- Ананьев Д.А., *Правительственная политика в отношении коренного населения Сибири и Дальнего Востока в конце XVI – первой половине XIX века в оценках англо- и германоязычной историографии*, «Вестник НГУ. Серия: История, филология» 2006, т. 5, вып. 3: Археология и этнография, с. 43–51.
- Веселый А., *Гуляй Волга*, Кемерово 1981, <https://libking.ru/books/antique-/antique/270754-artem-veselyy-gulyay-volga.html>.
- Воздвиженский В.Г., *Литературный процесс 1917–1932 гг. [в:] Опыт неосознанного поражения: Модели революционной культуры 20-х годов. Хрестоматия*, Москва 2001, с. 7–52.
- Казаркин А.П., *Этапы колонизации Сибири*, «Вестник Томского государственного университета. История» 2008, № 2 (3), с. 31–40.

- Мухамитянов Ф.Д., *Физическая культура как дисциплинарное пространство формирования телесности* [в:] *Психология телесности: теоретические и практические исследования. Материалы международной заочной научно-практической конференции, 25 марта 2008 года*, Пенза 2008, с. 106–113.
- Никитина Е.Ф., *В мастерской современного художественного произведения*, т. 2, Москва 1931.
- Рожнова С.П., *Принципы художественного воплощения темы Ермака в советской литературе* [в:] *Литература Сибири. История и современность*, Новосибирск 1984, с. 95–119.
- Солодкин Я.Г., *«Ермаково взятие» Сибири: загадки и решения: монография*, Нижневартовск 2010.
- Терехина В.Н., *Артем Веселый и поэтика русского футуризма*, «Филологический класс» 2017, № 4 (50), с. 100–107.

Semantics of Body in the novel by Artem Vesely “Walk Volga”

Summary

The object of the paper is Artem Vesely’s novel “Walk Volga” (1932) about the beginning of the colonization of Siberia by the Cossacks led by Yermak. The subject of the article is the place and role of descriptions of the body in the artistic world of the novel and in expressing the writer’s understanding of the historical nature of the Cossack campaign. Attention was paid to the form and external features of the body; to the body as a receptacle of energy, or, on the contrary, to that which is devoid of vitality; to the perception of someone else’s body; to the body as an object of external influences (natural conditions, labor, war) that deform the body. The author of the article comes to the conclusion that the images of the body and everything connected with it helped Artem Vesely express the idea of the ambiguous, antithetical character of Yermak’s campaign in Siberia.

Keywords: semantics, corporality, artistic world, style, author’s conception, colonization, Siberia, Artem Vesely